©ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819-3625 №24 (1), 2016

Дангирас Мачюлис

Коллективная память как оружие: история ВКЛ в советской пропаганде во время советско-германской войны

Пропагандой считают сознательные и последовательные усилия, направленные на изменение убеждений людей и общественного мнения. В XX веке пропаганда как инструмент мобилизации масс стал привычным спутником войн и вооруженных конфликтов. Во время Первой мировой войны пропаганда впервые стала применяться систематически (Зульцман). Тогда были сформулированы и главные цели для пропаганды военного времени: убеждать свое население в правильности действий, поддерживать его боевой дух, мобилизировать, направлять ненависть против врага; любыми методами вносить раскол в лагерь противника, подрывать его боевой дух, ослаблять и деморализовывать его население; нейтральные страны, по возможности, превратить в союзников (Сороченко). Анализируя уроки Первой мировой войны, военные эксперты, среди прочего, предсказывали: на следующей мировой войне масштабы пропаганды и её роль гораздо увеличатся.

Во время Второй мировой войны пропагандистская борьба приобрела поистине беспрецедентные масштабы. Воюющие страны пользовались всеми возможными формами и средствами пропаганды – в арсенале пропагандистов оказался и потенциал коллективной памяти. Потенциал коллективной памяти (точнее, образы коллективной памяти) противоборствующие стороны использовали в первую очередь для мобилизации «своего» населения, поддержания его боевого духа и направления ненависти против врага. Советский Союз также обратил коллективную память в инструмент пропаганды. К началу советско-германской войны в 1941 году Литва уже год была под советской оккупацией – превращена в одну из советских республик СССР. В первую очередь благодаря этому, в советском дискурсе пропаганды появились образы из истории Великого Княжества Литовского (ВКЛ).

В этой статье мы проследим, как во время советско-германской войны образы из истории ВКЛ оказались в советском антинацистском пропагандистском дискурсе, какими образами из истории ВКЛ пользовалась советская пропаганда и для

каких целей эти образы использовались в первую очередь. Своё внимание прежде всего обратим на советский антинацистский пропагандистский дискурс, который был нацелен на граждан Литвы и развёртывался на литовском языке.

Прежде чем проследить, как именно образы из истории ВКЛ оказались в советском антинацистском пропагандистском дискурсе, проследим, как в нём оказались образы русской коллективной памяти. Этот путь отследим на примере поступления «на пропагандистскую службу» образа Александра Невского (Шенк, 2007).

После вооруженного переворота в октябре 1917 года пришедшие к власти большевики объявили беспощадную войну старым имперским ценностям. Это означало и войну образам памяти, которые способствовали созданию имперского нарратива истории, – эти образы должны были быть без разбора «стёрты» из коллективной памяти. Тогда в списке «на удаление» оказался и образ православного святого князя Александра Невского, который как бы аккумулировал в себе все ценности старого режима, выразительно представляя культурную память царской России. «Стирание» образа Александра Невского из культурной памяти в Советском Союзе продолжалось до середины тридцатых годов, когда большевики по существу пересмотрели свои предыдущие идеологические воззрения в отношении истории и реабилитировали государство, индивид и народ в качестве объекта исторического нарратива, а саму историю превратили в важный инструмент советского патриотизма (Шенк, 2007: 237–302). По мнению советских идеологов, полноценное историческое повествование, построенное на марксистско-ленинской основе, могло бы ярко раскрыть подрастающему поколению прогрессивность исторического развития, неизменно ведущего к бесклассовому обществу (Панкратова, 1934: 32–51). В то же время прозвучало требование «правильно оценить» те исторические личности, которые освобождали Россию от иностранного ига и контрреволюции, которые боролись против попыток превратить Россию в колонию более могущественных стран (Большевик, 1936: 1–9). Это означало реабилитацию таких исторических деятелей, как Петр I, Минин и Пожарский, Александр Невский, – они перестали оцениваться как защитники интересов эксплуататорского класса. Тогда в советскую коллективную память вернулся образ Александра Невского как «прогрессивной» исторической фигуры. Он в дискурсе советской коллективной памяти «возродился» как русский военный герой и полководец, борец против иностранной интервенции (главной его заслугой стала победа над немецкими крестоносцами 1242 году в Ледовом побоище).

Дополнительным стимулом исторической реабилитации Александра Невского послужил приход нацисткой власти в Германии – в результате этого в СССР развернулась широкая антинацистская кампания, а в пропагандистском дискурсе иногда промелькивали параллели между «хищными крестоносцами» и немецкими фашистами.

После идеологической реставрации образ князя Александра Невского наиболее выразительно был представлен обществу в 1938 году – в художественном фильме режиссера Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Но этим фильмом зрители любовались недолго – осенью 1939 года фильм был снят с проката, а образ Александра Невского исчез из публичного дискурса. Это произошло после того, как 23 августа 1939 года Молотов и Риббентроп подписали пакт о ненападении. После подписания пакта из советских библиотек и книжных магазинов исчезла антинацистская литература, а советская пресса начала подчеркивать мирные и дружественные германо-советские отношения.

Как осенью 1939 года образ Александра Невского вмиг исчез из дискурса советского патриотизма, так же быстро он туда вернулся в 1941 году – когда началась советско-германская война. Уже на другой день войны в советских кинотеатрах начали показывать «Александра Невского». Такой мгновенный возврат был предопределён тем, что в 1937–1939 годы был создан патриотический образ Александра Невского как борца с иностранной интервенцией, идеально подходящего для антинацистской пропаганды. Александр Невский быстро стал одной из самых популярных фигур в советской пропаганде.

Посмотрим, какая ситуация сложилась с литовской коллективной памятью накануне советско-германской войны. В тридцатые годы в литовской коллективной памяти доминировали образы из истории ВКЛ, которые в литовском националистическом дискурсе служили в качестве свидетелей традиции национальной государственности, отчасти – территориальной целостности и политической легитимации власти. Большинство героических образов из эпохи ВКЛ олицетворяли образы исторических личностей князей, которые прославились и в борьбе с крестоносцами.[1] Со времен литовского национального возрождения история войн с крестоносцами для литовского национализма была главным хранилищем примеров литовского героизма. С середины тридцатых годов литовские героические образы борьбы с крестоносцами получили дополнительный – антинацистский оттенок. Он возник после того, как пришедшие к власти нацисты в Германии принялись открыто готовиться воплотить реваншистские планы в отношении Клайпедского края. В сентябре 1936 года в Литве и в Латвии торжественно отметили 600-летие победы в битве при Сауле,[2] которая в официальном литовском пропагандистском дискурсе была представлена как общая победа объединенных балтийских народов против германской агрессии.

[1] Ярким подтверждением этой тенденции стала прошедшая в 1930 году юбилейная кампания празднования 500-летия кончины Витовта Великого.

[2] Битва при Сауле – сражение жемайтов с войсками Ордена меченосцев в 1236 году, предположительно в окреснортях Шяуляй. Орден меченосцев был полностью разгромлен.

Летом 1940 года в литовском дискурсе коллективной памяти произошли радикальные изменения – причиной стала потеря независимости и начавшаяся советизация, которая повлекла за собой ревизию коллективной памяти. Как тогда огласил лидер литовских большевиков Анатанас Снечкус,[3] требовалось *«выяснить, что мы должны оставить, а что должны выбросить как реакционное»* (Tiesa, 1941). По принципам канона советской коллективной памяти, литовские князья, боровшиеся с «интервентами крестоносцами» могли быть реабилитированы, но они, как и образ Александра Невского, уже имели яркий антинемецкий пропагандистский оттенок – это стало одной из причин, почему они очутились в запаснике образов коллективной памяти, но там они не залежались.

В начале войны – летом и осенью 1941 года – основной целью советской пропаганды было показать Германию в качестве военного агрессора и опровергнуть миф о непобедимости вермахта (Идеологическая работа, 1985: 78). Образы коллективной памяти прекрасно подходили для этих целей – с первых дней войны советские идеологи обратились к коллективной памяти в поисках образов, которые могли бы послужить мобилизации общества на борьбу против фашистской Германии. Уже в первом вышедшем с начала войны номере журнала «Большевик» (главный идеологический журнал ВКП(б) ЦК), в статьях, призывающих подняться на борьбу против фашистской Германии, напоминалось о исторических победах русской армии – о битве с крестоносцами на Чудском озере в 1242 году, о Куликовской битве, разгроме Наполеона и так далее (Большевик, 1941). Номер журнала был наполнен рассказами о триумфальных победах русского оружия – перечислены все победы русской армии над Германией в прошлом (от Ледового побоища в XIII веке до разгрома немцев на Украине в 1918 году) (Тарле, 1941; Леонидов, 1941). Так пропаганда пыталась опровергнуть миф о непобедимости вермахта. С середины лета 1941 года в журнале «Большевик» регулярно появлялись статьи, которые рассказывали об исторических победах российской армии. Во время войны закончилась инкорпорация «прогрессивных» исторических деятелей русской истории в советский патриотический дискурс в соответствии с тезисом, что *«советский патриотизм – естественное продолжение российского патриотизма»* (Эренбург, 1942).

Нужно заметить, что история России не являлась благодарным источником, из которого можно было бы черпать образы для пропаганды бывших победоносных сражений русских с немцами. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Калинин в 1941 году как бы с некоторым сожалением заметил: *«Наша страна не часто воевала с немцами в прошлом»* (Калинин, 1941).

В то же время история Литвы – точнее, более чем двухвековой отрезок истории ВКЛ, помеченный посто-

[3] Антанас Снечкус (лит. Antanas Sniečkus, 1902–1974) – руководитель Коммунистической партии Литвы 1936–1974 годы.

янной борьбой с крестоносцами, для литовских советских деятелей казался неисчерпаемым источником материала для антинацистской пропаганды. Нужно заметить, что литовские деятели по этому поводу быстро сориентировались. Уже в первых (с начала войны) публичных антинацистских выступлениях и статьях Председатель Верховного Совета Литовской ССР Юстас Палецкис (Justas Paleckis) акцентировал внимание на том, что *«много славных страниц литовской истории»* занимает борьба литовцев с *«извечным врагом – немецким оккупантом»,* а самая славная страница этой борьбы – Грюнвальдская битва (Paleckis, 1941).

Территорию Литвы немецкие войска полностью заняли в течение первой недели войны. Правительство ЛССР и ЛКП(б) ЦК эвакуировалась в Москву. Одной из главных задач для литовских органов власти в эвакуации стало развёртывание антинацистской и тем самым просоветской пропагандистской кампании как на территории, занятой немецкими войсками, так и среди литовцев в эвакуации. Идеологом и основным организатором этой пропагандистской кампании стало партийное руководство – ЛКП(б) ЦК. Литовские партийные идеологи свой пропагандистский дискурс создавали, внимательно подражая центральному пропагандистскому дискурсу, и дополняли его некоторыми национальными нюансами.

Основным инструментом литовской пропагандистской войны стала печать – листовки, газеты и брошюры. Во время войны органы советской власти издали 134 прокламации общим тиражом 7,776 млн. экземпляров (Kovoje prieš.., 1948: 12–13). Советское правительство в 1942 году в Москве возобновило издание «Правда» (Tiesa) и «Советская Литва» (Tarybų Lietuva). Эти газеты на литовском языке предназначались как для населения оккупированной Германией Литвы, так и для литовцев, живущих в эвакуации. Кроме того, во время войны на литовском языке было опубликовано около полусотни брошюр политического содержания, 33 издания художественной литературы, которые тоже имели «идеологический заряд». Нужно добавить, что на литовском и русском языках для воинов 16-ой литовской стрелковой дивизии издавалась газета «Родина зовёт» (Tėvynė šaukia), а Политуправление Северо-Западного фронта для распространения на оккупированной территории издавало газету «За Советскую Литву» (Už Tarybų Lietuvą) (Kovoje prieš.., 1948: 12–13). Вся эта печать была основным инструментом пропаганды.

Другим инструментом пропаганды стало радио. Во время войны в Радиокомитете действовала и редакция литовских передач. Трансляция радиопередач с Москвы началась 15 июля 1941 года. Короткие передачи на литовском языке с 1942 года транслировались шесть раз в сутки (Lietuvos komunistų…, 1985: 179). Но воздействие радио на литовскую аудиторию, имея в виду военное время, было весьма ограниченно.

Пропагандистская кампания имела два основных адресата – прожива-

ющих на оккупированной нацистами Литве и литовцев, которые сражались в рядах Красной Армии. Для мобилизации обоих адресатов в пропагандистской кампании использовался также потенциал коллективной памяти – в первую очередь исторические образы борьбы литовцев с крестоносцами (даже слово крестоносец во время войны стал синонимом слова фашист или немец).

Уже в первых прокламациях с начала войны ЛКП(б) ЦК обращался к литовцам со словами: *«Вечные враги литовского народа, озверевшие потомки крестоносцев, опять поработили наш край, грабят людей, уничтожают их благополучие, проливают кровь невинных».* Так пропаганда внедряла мысль о том, что немецкие фашисты – не что иное, как прямые потомки крестоносцев, напоминая о том, что Литва *«уже не в первый раз поднимается [...] на борьбу с немецкими захватчиками. Много столетий назад Литва стойко боролась с жестокими крестоносцами, и литовское войско неоднократно разбивало гораздо более мощного и многократно лучше вооруженного врага»* (Kovoje prieš.., 1948: 17).

Пропаганда призывала подняться на борьбу, напоминая о «славной истории» Литвы, в которой, как подчеркивалось, *«большую часть занимает борьба литовского народа с немецкими захватчиками». Звучал призыв вспомнить «полководца Кейстута, который всю жизнь сражался с крестоносцами»,* князя Маргера,[4] *«незабываемый подвиг Гражины», «могучего Витовта Великого»* (Kovoje prieš.., 1948: 28).

Пропагандистская риторика подчеркивала, что через всю историю Литвы *«красной нитью проходит борьба с немцами»,* для которых *«Литва веками снилась как прекрасная страна, где можно награбить богатств, рабов, плодородной земли и красивых женщин»,* но все попытки безнаказанно грабить Литву заканчивались печально и *«чаще всего своими трупами они просто забивали литовские болота»* (Mozūriūnas, 1942).

Заметим, что мобилизация и использование образов коллективной памяти для нужд пропаганды не означало обязательного воспроизведения исторических образов на фоне целостного исторического повествования – было достаточно создать для масс легко узнаваемые ассоциации. Примером может быть очень популярный тогда в пропагандистском дискурсе литературный штамп *«вечные враги литовского народа немцы»,* который автоматически наводил людей на воспроизведения от образов культурной памяти (образы борьбы с крестоносцами) до образов коммуникативной памяти (воспоминание о немецкой оккупации времён Первой мировой войны).

Проследим, как пропагандистская кампания проводилась на практике. ЛКП(б) ЦК в 1943 году на оккупированной нацистами территории проводил пропагандистскую кампанию по следующим направлениям: агитационная кампания на подрыв немецких мобилизационных планов (агитация,

4 Князь Маргер (лит. Margiris, ? – 1336) – легендарный защитник замка Пиленай от крестоносцев на Жемайтии (упоминается в хронике Виганда Марбургского).

чтобы разрушить планы Германии по мобилизации литовцев на военную и трудовую службу); агитация против проводимой нацистами германизации Литвы; агитация против нацистских коллаборантов; популяризация военных побед Красной Армии (Lietuvos liaudis, 1982: 161–163).

Главным приоритетом в литовской пропагандистской кампании 1943 года были меры, направленные на подрыв немецких мобилизационных планов в Литве, – помешать нацистам мобилизировать население Литвы на работу в Германию, трудовую службу Рейха или военные вспомогательные подразделения вермахта. Когда немцы попытались создат из литовцев легион СС, первостепенной задачей пропаганды стала агитация с целью подрыва этой мобилизации (Lietuvos komunistų…, 1985: 158–162).

Весной 1943 года на заседании в ЦК ЛКП (б) по вопросам ведения пропаганды на оккупированной немцами территории Литвы было подчеркнуто, что *«для разоблачения гитлеровской лжи о якобы их беспокойстве насчет будущего литовского народа нужно широко использовать исторические факты, раскрывающие коварную, разбойничью немецкую политику по отношению к литовскому народу»* (Pasitarimo protokolas, 1943).

В 1943 году на страницах газеты «За Советскую Литву» (газета предназначалась для жителей оккупированной территории Литвы) была развёрнута широкая агитация призывающая сопротивляться против немецких планов по мобилизации. В этом контексте использовались и образы коллективной памяти, например – образ защитника замка Пиленай князя Маргера (который в литовской коллективной памяти представал как эталон храбрости и бесстрашия): *«Литовцы! [...] Будьте верны словам князя Маргера: "Никогда не было такого, чтобы литовец стал рабом у немца". Не идите на принудительные работы. Идите к партизанам, которые героически уничтожают немцев [...] Не выполняйте обязательных поставок – скрывайте свой выращенный хлеб, свой скот, имущество от глаз оккупантов, а если не можете скрыть – уничтожайте [...] не дайте себя увезти на рабочую каторгу в Германию»* (Už Tarybų Lietuvą, 1943). Такие слова призыва должны были вызвать у читающих ассоциации с князем Маргером и героическими защитниками замка Пиленай (1336 год) и подтолкнуть следовать их примеру – защитники замка уничтожили своё имущество и в плен живыми не сдались.

В то же время в обращениях, адресованных к литовцам, уже служащим немцам, напоминалось, что они не просто очутились «на другой стороне фронта», но они служат «вечному литовскому врагу» – *«потомкам хищных крестоносцев, которые на протяжении веков терзали Литву, проливали литовскую кровь»*. Символический смысл этих слов, написанных осенью 1943 года, обретал особое значение, так как их написал штаб партизанского соединения «Жальгирис» (Грюнвальд) (Žalgirio, 1943). Добавим, что почти во всех обращениях штаба «Жальгирис», которые были

адресованы литовским солдатам и полицейским, служащим немцам, звучали призывы вспомнить историю Литвы: борьбу литовцев с крестоносцами, судьбу порабощенных немцами пруссов и так далее.

С конца лета 1941 года советское правительство Литвы добивалось того, чтобы в составе Красной Армии была создана литовская национальная часть. Наконец, 18 декабря 1941 года Государственный комитет обороны принял решение о формировании 16-ой литовской стрелковой дивизии. Дивизия была создана из остатков 29-ого территориального корпуса (корпус – это бывшие сухопутные войска Литовской Республики) и граждан Литвы, которые с началом войны эвакуировались вглубь Советского Союза. В мае 1942 года дивизия имела 12 тысяч бойцов. В феврале 1943 на Брянском фронте литовская дивизия получила боевое крещение (Šešioliktoji lietuviškoji, 2008: 26–29).

Нужно подчеркнуть, что литовские советские государственные и партийные деятели уделяли особое внимание национальной части и военные действия этой дивизии стали важным адресатом антинацистской пропаганды. Для бойцов соединения создавался целевой пропагандистский дискурс, который был насыщен образами культурной памяти из истории войн с крестоносцами.

В апреле 1942 года вышел первый номер газеты литовской дивизии «Родина зовёт» (Tėvynė šaukia). Передовая газеты начиналась такими словами: *«На этой Великой Отечественной войне литовскому народу придется опять столкнуться с вечными своими врагами – немецкими захватчиками. Само рождение литовской государственности неразрывно связано с борьбой литовского народа против натиска на восток немецких орденов [...] В своей славной и праведной борьбе литовцы неоднократно их били. Они громили немецкую мощь под Дурбе и Сауле, вместе со славянскими народами, литовцы побили их под Грюнвальдом».* Так, литовским войнам внушалась мысль, что им не просто *«суждено продолжить традицию борьбы славных предков за свободу Родины»*, *но им также «суждено вместе с Красной армией [...] завершить веками длящуюся борьбу с немецкими грабителями, полностью их разгромив, подготовив им второй и последний Грюнвальд»* (Tėvynė šaukia, 1942a). На страницах газеты «Родина зовёт» регулярно появлялись статьи, рассказывающие о борьбе литовцев с крестоносцами.

Это обращение к славному боевому прошлому для литовских воинов не было чем-то новым. Напомним, что в 1918–1920 годы, когда нужно было мобилизовать массы с оружием в руках защищать суверенитет молодого литовского государства, политическая элита обратилась к историческим образам, которые свидетельствовали о литовской государственной традиции и былой славе литовского оружия. Литовская национальная армия пыталась стать наследником символического капитала военных традиций ВКЛ. Например, литовским военным соединениям присваивались имена вели-

ких литовских князей – так, осенью 1919 года первому пехотному полку было присвоено имя великого князя Гедимина, второму полку – великого князя Ольгерда, а шестому – князя Маргера и так далее. (Lesčius, 1998: 230, 242, 272). Литовские вооруженные силы были тем государственным институтом, который активно использовал символический капитал ВКЛ, и это выражалось не только в названиях воинских частей. С наступлением советской оккупации в 1940 году весь этот символический капитал военных традиций ВКЛ для нового режима стал чуждым. Так что с обращением к героическим образам из истории ВКЛ всё возвращалось как бы на старое место – в пропагандистском дискурсе бойцы этой дивизии представлялись как продолжатели славных литовских военных традиций (Laisvydas, 1942). Но был нюанс, который менял саму суть.

В советском пропагандистском дискурсе очень ярко выстраивался нарратив боевой дружбы литовских и русских воинов, где подчёркивалось, что эта боевая дружба имеет якобы глубокие исторические корни. Уже в первом номере «Родина зовёт» был даже выделен специальный газетный раздел с названием «Из истории борьбы литовцев и славян с крестоносцами», в котором регулярно появлялись статьи. Первая статья была посвящена 700-летию Ледового побоища. В статье подчеркивалось, что победа русских, которые под руководством князя Александра Невского разгромили крестоносцев, *«была и победою нашего [литовского] народа»*, и добавлено, что *«показанные новгородцами любовь к родине и самоотверженность, нам, литовцам, имеющим вековые традиции борьбы с немецкими захватчиками, понятны и близки»* (Tėvynė šaukia, 1942a).

Во время войны в пропагандистском дискурсе были тиражированы «исторические свидетельства», которыми доказывалось, что военное сотрудничество между Литвой и Россией зародилось в далёком прошлом. Например, короля Миндовга (названного в пропагандистском дискурсе «великим патриотом Литвы») пропаганда сделала сподвижником ярчайшего русского героя борьбы с крестоносцами – князя Александра Невского (Rimvydas, 1943). Пропагандистские узы боевой дружбы двух героев культурной памяти Александра Невского и Миндовга служили своеобразному обмену символическим капиталом – с одной стороны, это помогало образу советской культурной памяти проникать в ландшафт литовской культурной памяти, а с другой – это легитимизировало образ литовской культурной памяти на советском ландшафте. Но конечная цель этого обмена символическим капиталом – подтверждение пропагандистского тезиса о том, что враг, как и в далёком прошлом, так и сейчас, может быть разбит только объединенными силами «братских народов».

Самым ярким и популярным свидетельством в пропагандистском историческом нарративе о давней литовско-славянской дружбе был образ Грюнвальдской битвы. В пропагандистском дискурсе победа под

Грюнвальдом была названа *«самым великим триумфом дружбы литовцев и русских, вместе с беларусами и украинцами, которая была скреплена пролитой кровью в борьбе с извечным врагом»* (Žiugžda, 1943: 16).

При помощи образов борьбы с крестоносцами советская пропаганда пыталась легитимизировать на территории Литвы советских партизан[5] и их боевую тактику – литовская пресса «напоминала», что «литовский Геродот» Симонас Даукантас[6] и епископ Мотеюс Валанчюс[7] в своих исторических трудах описали *«много партизанских вылазок древних литовцев против захватчиков крестоносцев»* (Tiesa, 1943b). Пропаганда представляла советских литовских партизан как потомков героических борцов с крестоносцами, *«в жилах которых течет кровь Маргеров и Кейстутов»,* а тактика их борьбы – это возрожденная тактика борьбы древних литовцев (Tiesa, 1943a). Стремление представить советских партизан потомками борцов с крестоносцами отразилось в самих названиях партизанских отрядов. Такие названия партизанских отрядов как «Грюнвальд», «Маргер», «Кейстут», «Шарунас»,[8] «Гражина»[9] должны были превратить советских партизан в законных наследников символического капитала героических предков, что в свою очередь должно было помочь легитимизировать советских партизан в глазах литовского населения, и это было не менее важно, учитывая что литовское население было настроено не только антинацистки, но и антисоветски.

Превратить коллективную память в инструмент пропаганды в годы войны помогала и целенаправленно развиваемая историография, в которой исключительное внимание уделялось тем темам прошлого, актуализация которых могла способствовать мобилизации граждан на борьбу с нацистами. В пропагандистском дискурсе утверждалось, что вся традиция литовской национальной историографии пронизана стремлением раскрыть злодеяния «немецких захватчиков», а Симонас Даукантас даже был назван основоположником антинемецкой

5 Движение советских партизан на оккупированной немцами Литве не было многолюдным и активным – по подсчетам литовского историка Римантаса Зизаса в советском военном сопротивлении участвовало 4–5 тыс. человек. По официальным данным, среди них было 1386 литовцев. Р. Зизас считает, что эта цифра завышена (Zizas, 2014: 545).

6 Симонас Даукантас (лит. Simonas Daukantas, 1793–1864) – литовский историк и писатель-просветитель, автор первых трудов по истории Литвы, написанных на литовском языке.

7 Мотеюс Валанчюс (лит. Motiejus Valančius, 1801–1875) – литовский писатель-просветитель, историк, епископ Жемайтии (1850–1875).

8 Шарунас – (лит. Šarūnas) легендарный князь Меркине. Этот легендарны образ стал популярен благодаря созданному литературному образу писателя Винцаса Креве («Предания старых людей Дайнавского края», 1912).

9 Название в честь Гражины – легендарной героини одноименной поэмы («Grażyna») Адама Мицкевича, которая погибла в борьбе с крестоносцами.

историографии. В 1943 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения С. Даукантаса, в литовской печати подчеркивалось, что *«никто из деятелей литовского национального движения так глубоко не ненавидел вечных врагов литовского народа – немецких захватчиков, как Даукантас»*, а против немцев *«он знал только бескомпромиссную борьбу»*, которую провозглашал в своих работах (Korsakas, 1943).

Профессиональных литовских историков в советском тылу не было, и созданием пропагандистского исторического нарратива занимались те, для кого история «была ближе», – в первую очередь это Юозас Жюгжда (бывший заместитель комиссара просвещения Литовской ССР) и Повилас Пакарклис (бывший министр юстиции в «Народном правительстве»). Оба своё внимание фокусировали на эпохе войн ВКЛ с крестоносцами – с этой перспективы война с Германией расценивалась как историческая неизбежность: *«Коварные нападения на другие народы не являются случайностью для немецких фашистов [...] Это их основное свойство, которое они наследовали от средневековых немецких грабителей»* (Žiugžda, 1942), – этими словами Ю. Жюгжда весной 1942 года начал рассказ о Грюнвальдской битве. В этом рассказе, который сопровождался обширным обзором литовских войн с крестоносцами, были програмно изложены ключевые тезисы пропагандистского исторического нарратива: немецкие фашисты являются не кем иным, как изменившими в ходе истории свою форму, но не отказавшимися от своих агрессивных планов крестоносцами; попадание под германское иго каждому народу несёт такую погибель, которая постигла оказавшихся во власти немцев пруссов, а немецких фашистов можно одолеть только таким путём, как это было сделано в битве под Грюнвальдом, – объединенными усилиями всех народов, которые борются с фашизмом. Эти тезисы последовательно развивались во всех текстах военных лет – от передовой литовского партийного органа до отдельных брошюр по истории.

Во время войны история Тевтонского ордена (тем самым и его борьба с ВКЛ) в литовском дискурсе превратилась в почти самостоятельный нарратив о крестоносцах, угнетающих и ассимилирующих коренных жителей земель Тевтонского ордена, – пруссах и литовцах. Внимание к истории Тевтонского ордена было обусловлено тем, что она идеально подходила для построения пропагандистской параболы о том, что население на оккупированных нацистами землях постигнет судьба пруссов в Тевтонском государстве – их ждёт угнетение и ассимиляция. В построении этого пропагандистского нарратива особенно отличился уже упомянутый Повилас Пакарклис, который стал главным «исследователем» истории Тевтонского государства. Заметим, что последний уже в тридцатые годы в литовской прессе опубликовал ряд статей по истории Малой Литвы и Тевтонского ордена, в которых доказывал, что Клайпедский край и Восточная Пруссия – это исконно литовские и прусские земли, а немецкими они

стали только вследствие захвата их крестоносцами, а потом – проводимой немцами ассимиляции. Таким образом, П. Пакарклис во время войны только продолжал писать о том, о чем писал раньше, добавляя в свои статьи советские идеологемы о «дружбе братских народов», «советском патриотизме», «братском русском народе» и так далее.

Героические образы борьбы с германской агрессией в пропагандистском дискурсе укоренялись не только благодаря историографии, но и благодаря их литературным образам. Уже летом 1941 года Институт литературы Академии наук СССР издал ориентированный на массового читателя сборник «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе», в котором, по словам составителей, ставилось задача *«вкратце рассказать о том, как боролись наши предки за свою отчизну и как отразилось героическое прошлое русского народа в художественной литературе»* (Героическое прошлое русского народа, 1941: 6). В сборнике были представлены очерки о литературном увековечении русских былинных богатырей, Александра Невского, Грюнвальдской битве, походах Суворова, Отечественной войне 1812 года и так далее.

Год спустя – в 1942 году в Москве на литовском языке вышел сборник антинацистских произведений литовских писателей («Amžinoji neapykanta», 1942). В начале войны вглубь Советского Союза эвакуировался ряд известных литовских писателей: Петрас Цвирка, Саломея Нерис, Антанас Венцлова, Людас Гира, Ионас Марцинкевичюс. Партийное руководство мобилизировало писателей на пропагандистскую работу, поставив задачу литературным творчеством бороться против «германского змея» (Lietuvos komunistų…, 1985: 180; Korsakas, 1985: 432–433). В поиске творческих образов писатели обратились к истории, сфокусировав своё внимание на, как им казалось, наиболее славных страницах борьбы с германской агрессией – на эпоху борьбы с крестоносцами. Советская литературная критика констатировала: *«Герои из истории литовского народа – Витовт Великий, Кейстут, Гражина, Геркус Манто,*[10] *Маргер – нашими советскими поэтами представлены как светлые примеры патриотизма и национальной сознательности»*, а *«победы под Сауле, Дурбе, Грюнвальдом в нашей поэзии представлены как символ стойкости литовцев, как символ разгрома гитлеризма»* (Korsakas, 1985: 476–477).

В поэтическом творчестве литовских писателей времён Второй мировой часто встречаются образы, напоминающие о борьбе литовцев с крестоносцами. Совершенно иная ситуация с прозой военных лет. Но литовская проза оставила нам гипотетическое представление современников о том, как активированные образы коллективной памяти могут подвинуть в беспощадную борьбу против нацизма даже тех, кто всем своим существом был против любо-

[10] Геркус Манто (лит. Herkus Mantas, ? – 1273) – вождь в прусском восстании 1260–1274 годов.

го проявления насилия. Это можем найти в повести писателя И. Марцинкевичюса «Плебан Моркунас» («Klebonas Morkūnas»). Главный герой повести – ксёндз Моркунас всегда интересовался историей и любил читать о борьбе литовцев с крестоносцами. Для него было очевидным, что *«немцы всегда были и есть злейшими врагами литовского народа»*. Немецкая оккупация как бы активирует культурную память Моркунаса, и он не только становится пособником советских партизан – бойцов партизанского отрада «Жальгирис», но и открыто начинает призывать своих прихожан бороться с оккупантами так, *«как Витовт Великий боролся на Грюнвальдской битве»* (Marcinkevičius, 1944: 43–56).

Практически все нами упомянутые образы из истории ВКЛ (Витовт Великий, Кейстут, Гражина, Геркус Манто, Маргер, Миндовг, битвы под Сауле, Дурбе и так далее) присутствовали исключительно лишь в литовском советском антинацистском пропагандистском дискурсе – в центральном советском пропагандистском дискурсе они не появились. Только один образ из истории ВКЛ стал органичной частью центрального пропагандистского дискурса – это образ Грюнвальдской битвы. Можно сказать, что этот образ стал своеобразным связующим звеном между литовским советским антинацистским пропагандистским дискурсом и центральным советским пропагандистским дискурсом.

Пропагандистская машина Советского Союза активно использовала образ Грюнвальдской битвы для создания единого антифашистского славянского фронта. Уже в первые месяцы войны советская историография обратилась к истории славянских народов – в августе 1941 года в Ленинградском университете появилась даже новая кафедра славянских народов (Вайнштейн, 1942). Издавались научные статьи по истории борьбы славян с германской агрессией. Нужно подчеркнуть, что в этом научно-пропагандистском дискурсе, представляющем нарратив истории борьбы славян с немецкой агрессией, особое внимание уделялось Грюнвальдской битве, которая преподносилась как свидетельство совместной победоносной борьбы славянских народов с Тевтонским орденом (Пичета, 1941; Зутис, 1941).

Во время войны Советский Союз возродил, а точнее пытался приспособить для себя идею панславизма, которая гласила, что славянские народы должны объединиться на основе этнической, культурной и политической общности под руководством России, теперь – под руководством Советского Союза для создания единого антинацистского фронта славянских народов. 5 октября 1941 года в Москве был основан просоветский Всеславянский комитет. Основной деятельностью комитета была пропагандистская работа по мобилизации славянских народов на антифашистскую борьбу на стороне Советского Союза (Кикешев, 2008). Особое внимание уделялось Польше – в первую очередь из-за сложных советско-польских отношений. Накануне Второй мировой войны в советской пропаганде Польша была представ-

лена как одна из самых враждебных стран для Советского Союза (Краснопольский, 1928; Врублевский, 1936). Враждебность к Польше в советском обществе прививалось и через актуализацию таких образов коллективной памяти, как Иван Сусанин, Дмитрий Пожарский, Кузьма Минин. Когда началась советско-германская война, советским идеологам пришлось искать исторические «образы дружбы» поляков и русских. Для этой цели особенно подходил образ Грюнвальдской битвы, который был очень популярен в польской коллективной памяти.

Заметим, что во время войны сформировались параллельно два польских дискурса антинацистской пропаганды – один польского правительства в эмиграции в Лондоне, а другой – просоветского польского движения сопротивления, центр которого был в Москве. В обоих пропагандистских дискурсах использовались те же самые образы коллективной памяти. В обоих дискурсах был и образ Грюнвальдской битвы – напоминание об исторической победе считалось лучшим свидетельством героизма и неминуемого поражения германского агрессора (Mačiulis, 2012: 147).

Но было и то, что по существу эти дискурсы разделяло, – в просоветском дискурсе образ Грюнвальдской битвы в первую очередь использовался при конструировании единого антифашистского фронта на основе идеи славянского единства. Например, в 1943 году в Советском Союзе была сформирована польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко, и для принятия военной присяги было специально выбрано 15-ое июля – день Грюнвальдской битвы. Все торжества принятия присяги были пронизаны аллюзиями к Грюнвальдской битве – свидетельству того, как сплоченные силы славян разгромили немецких крестоносцев. Торжества превратились в празднование годовщины Грюнвальдской битвы (Иванов, 1943). На торжествах присутствовала и официальная литовская делегация (из советских деятелей и воинов), что должно было стать символическим свидетельством о возрожденном братстве по оружию против «вечного врага».

Образ Грюнвальдской битвы как символ победоносного славянского единства был особенно выгоден Всеславянскому комитету, который им активно пользовался. Заметим, что у Всеславянского комитета в принципе не было альтернативных образов, которые могли бы конкурировать с образом Грюнвальдской битвы, – эта победа была практически единственной яркой исторической победой, которую в пропагандистском дискурсе можно было преподнести как свидетельство единства славянских народов против германской агрессии.

15 июля 1944 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов состоялось торжественное собрание, посвященное 534-й годовщине Грюнвальдской битвы. Организаторами торжеств были Славянский комитет и Союз польских патриотов. Участвовали польские, русские, украинские, беларусские, литовские, чехословацкие и югославские (так пи-

сала пресса) общественные деятели, представители Красной Армии и созданные в Советском Союзе части польских, югославских и чехословацких войск. Во время торжеств Грюнвальдская битва была названа битвой, в которой *«стотысячная славянская армия – поляков, русских, украинцев, беларусов, чехов, вместе с литовцами нанесли сокрушительный удар немецким ордам, пытавшимся захватить славянские земли и поработить славянские народы»*. Победа в Грюнвальдской битве была представлена как победа сплоченного славянского оружия против крестоносцев. Проводя исторические параллели между прошлым и сегодняшним днем, говоря об узах боевой дружбы, которые *«объединяют с великим русским народом»* народы славянские, укоренялась мысль, что *«только сплоченная славянская сила может спасти нас от злейшего славянского врага – гитлеровцев»*.

В то время Красная Армия уже готовилась шагать через славянскую Восточную Европу в Берлин, и мобилизация славянских народов на борьбу с Германией под флагом Красной Армии встала на повестку дня. Это и было причиной такого торжественного празднования отнюдь не юбилейной годовщины Грюнвальдской битвы и стремление с помощью истории подчеркнуть главенствующую роль русского народа, утверждая, что *«в Грюнвальдской битве русский народ продемонстрировал всей Европе свою готовность помочь братьям славянам в кровавой и праведной битве»* (Правда, 1944).

Следует заметить, что далеко не все представители литовской партийной элиты были согласны с такой трактовкой Грюнвальдской битвы, в которой главная заслуга победы приписывалась русским воинам. Например, 19 июля 1944 года советский партийный деятель Ромас Шармайтис[11] записал в своём дневнике: *«Прошло празднование Грюнвальдской битвы. В статьях подчеркивается роль славянских народов. О литовцах редко где упоминается. Имя Витовта даже не упоминается. В Колонном зале Союз польских патриотов и Славянский комитет подготовил празднование Грюнвальдской битвы. Говорил и Палецкис. Он, конечно, не забыл Витовта, но ТАСС в информационном сообщение об этом не упомянул. Как дух времени сказывается на интерпретации исторических событий! Читал в «Советской Украине» напечатанную статью какого-то научного кандидата о Грюнвальдской битве. Там подробно перечисляются польские, украинские, беларуские, чешские части, участвовавшие в битве. Литовские полки «появились» только после того, когда нужно было начать наступление, а затем отступить. Зато смоленцы – в центре битвы. Внук Витовта Лугвений Ольгердович там – русский князь!»* (Šarmaitis, 1941–1944). Трудно сказать, насколько такое мнение как у Р. Шармайтиса было распространено среди литовской

[11] Ромас Шармайтис в 1948–1984 годы был директором Института истории партии при ЦК ЛКП.

партийной элиты, но можем утверждать, что такие настроения не доминировали.

Осенью 1944 года, когда Красная Армия заняла практически всю территорию Литвы, литовская антинацистская пропагандистская кампания, насыщенная образами коллективной памяти, по существу кончилась. Героические образы из литовской истории как бы утратили актуальность. Хотя война ещё продолжалась и литовцы с бывшей оккупированной территории стали призываться в действующую армию, героические образы борьбы с крестоносцами перестали использоваться для мобилизации литовского населения. Для пропаганды в Литве была поставлена новая задача – способствовать укоренению советской власти. Можем предположить, что «утрата актуальности» была не единственной причиной. В 1944 году руководители советской страны стали опасаться, что внедряемый ими же самими государственный патриотизм (национализм), который строился на фундаменте русского национализма, может породить всплеск национализма среди народов СССР. Власть решила предпринять превентивный шаг – в 1944 году с обвинениями в «узком национализме» и «идеализации прошлого» публичной критике подверглись некоторые национальные партийные организации и отдельные деятели (Барсенков, Вдовин, 2005: 349–350). В то же время советская власть, как бы пыталась сбалансировать советскую концепцию патриотизма и провести грань между «героическим прошлым» и «идеализацией прошлого» – критике подвергались историки как с обвинениями в «очернении прошлого русского народа», так и с обвинениями в «великорусском шовинизме» (Барсенков, Вдовин, 2005: 348–350). Литовская партийная элита была свидетелем этих процессов. Мало того, литовское общество было настроено антисоветски, и с приходом советской власти в Литве началась партизанская война. Всё это подтолкнуло литовскую партийную элиту побыстрее отказаться от использования образов коллективной памяти, свидетельствующих о героическом прошлом, поскольку они могли бы способствовать росту националистических настроений.

Литература

1. Барсенков, Александр и Вдовин, Александр (2005). *История России. 1917–2004: учебное пособие для вузов.* Москва: Аспект Пресс.
2. *Большевик* (1936). “Историческая наука и ленинизм”, №3: 1–9.
3. *Большевик* (1941). “За Родину, за Сталина!”, №11–12: 12.
4. Вайнштейн, Осип (1942). “Исторический факультет Ленинградского государственного университета в дни Отечественной войны”. *Исторический журнал,* №11: 103–107.
5. Врублевский, А. (1936). *Польша.* Москва: Государственное социально-экономическое издательство.
6. *Героическое прошлое русского народа в художественной литературе* (1941). Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.

7. Эренбург, Илья (1942). “О патриотизме”. *Правда,* 14.06.1942.
8. Зульцман, Рудольф. *Пропаганда как оружие в войне,* URL (доступ 14.08.2014): http://psyfactor.org/propaganda4.htm
9. Зутис, Ян (1941). “Грюнвальд – конец могущества Тевтонского ордена”, *Исторический журнал,* №9: 74–80.
10. Иванов, П. (1943). “Принятие присяги в дивизии имени Тадеуша Костюшко”. *Правда,* 17.07.1943.
11. *Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг.,* (1985). Москва: Военное издательство.
12. Калинин, Михаил (1941). “Отечественная война советского народа против немецких захватчиков”, *Большевик,* №24: 7.
13. Кикешев, Николай (2008). “Всеславянский комитет — культурный и информационный центр славянского движения в годы Великой Отечественной войны", *Военно-исторический журнал,* №11: 21–24.
14. Краснопольский, Н. (1928). *Как живет польский солдат.* Москва – Ленинград: Государственное издательство.
15. Леонидов, Н. (1941). “Когда и как русский народ бил германских захватчиков”, *Большевик,* №11–12: 84–96.
16. Панкратова, Анна (1934). “За большевитское преподавание истории”. *Большевик,* №23: 32–51.
17. Пичета, Владимир (1941). “Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками”. *Исторический журнал,* №9: 64–73.
18. *Правда* (1944). “Годовщина Грюнвальдской битвы”. 16.07.1944.
19. Сороченко, Виктор. *Принципы военной пропаганды,* URL (доступ 14.08.2014): http://psyfactor.org/propaganda3.htm
20. Тарле, Евгений (1941). “Начало конца”, *Большевик.* №11–12: 32–37.
21. Шенк, Фритьоф Беньямин (2007). *Александр Невский в русской культурной памяти.* Москва: Новое литературное обозрение, 2007.
22. *Amžinoji neapykanta: lietuviai rašytojai prieš vokiškuosius grobikus* (1942). Maskva: LTSR valstybinė leidykla.
23. Korsakas, Kostas (1943). “Simonas Daukantas – vokiškųjų grobikų priešas”. *Literatūra ir menas,* 11.1943.
24. Korsakas, Kostas (1985). *Literatūros raida.* Vilnius: Vaga.
25. *Kovoje prieš hitlerinę okupaciją. Lietuvos KP (b) atsišaukimai Didžiojo Tėvynės karo metu* (1948). Vilnius: Valstybinė politinės literatūros leidykla.
26. Laisvydas, A. (1942) “Kovoja jie dėl tavo laisvės”. *Literatūra ir menas,* 11.1942.
27. Lesčius, Vytautas (1998). *Lietuvos kariuomenė 1918–1920.* Vilnius: Leidybos centras.
28. *Lietuvos komunistų partijos istorijos apybraiža* (1985). t. 3, Vilnius: Mintis.
29. *Lietuvos liaudis Didžiajame tėvynės kare (1941–1945)* (1982). Vilnius: Mintis.
30. Mačiulis, Dangiras, Petrauskas, Rimvydas, Staliūnas Darius, (2012). *Kas laimėjo Žalgirio mūšį?: istorinio paveldo dalybos Vidurio ir Rytų Europoje.* Vilnius : Mintis.
31. Marcinkevičius, Jonas (1944). “Klebonas Morkūnas”. *Pergalė: lietuvių literatūros ir kritikos almanachas.* Kaunas.
32. Mozūriūnas, V. (1942). “Už tėvynę, garbę ir laisvę !”. *Už Tarybų Lietuvą.* 1942. Nr. 13.
33. Paleckis, Justas (1941). Straipsnis. 9–10.07.1941. Литовский особый архив, Ф. 17541, оп. 1, д. 30, л. 1–2.
34. Pasitarimo protokolas (1943). Pasitarimo LKP (b) CK agitacijos Lietuvoje klausimais protokolas, 19.04.1943. Литовский особый архив, Ф. 1771, оп. 6, д. 113, л. 11.
35. Rimvydas, J (1943). “Kaip lietuviai drauge su rusais mušė vokiškus grobikus”. *Tiesa,* 08.1943.

36. Šarmaitis, Romas (1941–1944). *Dienoraštis. 1941–1944.* Литовский особый архив, Ф. 17635, оп. 1, д. 15, л. 125.
37. *Šešioliktoji lietuviškoji* (2008). Vilnius: Gairės.
38. *Tiesa* (1941). "Drg. A. Sniečkaus ataskaitinis pranešimas V – tame LKP (d) suvažiavime apie LKP (d) CK darbą". 12.02.1941.
39. *Tėvynė šaukia* (1942a). "Ledo mūšis". 05.04.1942.
40. *Tėvynė šaukia* (1942b). "Už Tėvynės laisvę, už jos garbę". 05.04.1942.
41. *Tiesa* (1943a). "Lietuvos partizanai daužo okupantus". 07.1943.
42. *Tiesa* (1943b). "Lietuvos partizanų žygdarbiai". 09.1943.
43. *Už Tarybų Lietuvą* (1943). "Neleiskime okupantams galutinai pavergti lietuvių tautos". 1943. Nr. 12.
44. Žalgirio (1943). *Žalgirio partizanų junginio štabo kreipimasis į Vosiūnų įgulos karius lietuvius.* 1943 m. Литовский особый архив, Ф. 1771, оп. 6, д. 127, л. 31.
45. Žiugžda, Juozas (1942). *Žalgiris,* 02.04.1942. Литовский особый архив, Ф. 1771, оп. 6, д. 143, л. 229.
46. Žiugžda, Juozas (1943). *Lietuvių ir rusų tautų draugystė.* Maskva.
47. Zizas, Rimantas (2014). *Sovietiniai partizanai Lietuvoje 1941–1944 m.* Vilnius: Lietuvos istorijos institutas.